

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.6)
EDN [KGAULN](https://www.edn.ru/KGAULN)
УДК 316.624

И. В. Ангарская¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ

Аннотация. В статье рассматриваются изменения алкогольных практик в разных социальных группах российского общества на фоне общего снижения распространённости употребления спиртного. Эмпирическую основу исследования составили материалы социологических опросов городского трудоспособного населения в возрасте от 18 до 60 лет, проведённых сектором социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН в 2009–2010, 2017, 2020 и 2024 гг., а также данные исследований студенческой молодёжи 2013, 2016 и 2024 гг. Показано, что сокращение доли употребляющих алкоголь сопровождается неоднородной динамикой алкогольных практик: рост трезвеннических установок сочетается с сохранением регулярного и частого употребления в отдельных группах. Особое внимание уделено гендерным и возрастным различиям. Установлено, что женские алкогольные практики имеют внутренне дифференцированный характер: среди молодых женщин заметнее выражен отказ от алкоголя, тогда как у части женщин среднего возраста более частое употребление связано со стрессом, повседневной нагрузкой и адаптационно-компенсаторными мотивами. На материалах студенческих опросов выявлено увеличение доли не употребляющих алкоголь при сохранении рискованных эпизодов среди части употребляющих студентов. Сделан вывод о том, что современная алкогольная ситуация характеризуется неравномерным снижением вовлечённости в употребление спиртного: расширение трезвеннических практик сочетается с сохранением частого употребления, стрессовой мотивации и рискованных алкогольных эпизодов в отдельных социальных группах.

Ключевые слова: потребление алкоголя, алкогольные практики, рискованное употребление алкоголя, гендерные различия, женские алкогольные практики, студенческая молодёжь, социальная адаптация, девиантное поведение

Для цитирования: Ангарская И. В. Потребление алкоголя в различных социальных группах российского общества: тенденции и риски // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 2. С. 86–103. DOI [10.19181/nko.2026.32.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.6). EDN [KGAULN](https://www.edn.ru/KGAULN).

Введение. Потребление алкоголя остаётся одной из значимых медико-социальных проблем, затрагивающих здоровье, семейные отношения, занятость, досуг, повседневные формы общения и способы социальной адаптации. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2019 г. во всём мире около 2,6 млн смертей были связаны с употреблением алкоголя; из них 1,6 млн приходились на неинфекционные заболевания, 700 тыс. — на травмы и 300 тыс. — на инфекционные заболевания. ВОЗ также указывает, что алкоголь связан более чем с 200 заболеваниями, травмами и иными нарушениями здоровья¹.

Для России алкогольная проблематика имеет особое значение, поскольку употребление спиртных напитков на протяжении длительного времени рассматривалось как один из заметных факторов демографических потерь, семейного

¹ Алкоголь: информационный бюллетень // Всемирная организация здравоохранения. 28.06.2024. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol> (дата обращения: 08.04.2026).

© Ангарская И.В., 2026

неблагополучия, насилия, травматизма и других социальных рисков [1; 2; 3; 4; 5]. В последние десятилетия ситуация заметно изменилась: официальные статистические и социологические источники фиксируют сокращение распространённости употребления алкоголя, рост доли людей, отказывающихся от спиртного, а также более умеренные модели потребления среди молодых поколений. Эти тенденции отражены в данных ВЦИОМ², исследователей НИУ ВШЭ и других специалистов [6; 7; 8; 9].

При этом общие показатели требуют осторожной интерпретации. Снижение доли потребителей алкоголя и уменьшение среднедушевых объёмов потребления ещё не исчерпывают содержания происходящих изменений. Внутри общей положительной динамики сохраняются различия между мужчинами и женщинами, молодёжью и старшими возрастными группами, людьми с разным уровнем образования, материального положения, занятости и семейного статуса [10; 11]. Меняются и сами повседневные алкогольные практики: типы напитков, частота употребления, допустимость опьянения, мотивы обращения к алкоголю, связь спиртного с отдыхом, дружеским общением, одиночеством, стрессом и переживанием жизненных трудностей [12; 13].

В данной статье представлены результаты одного из этапов исследования сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН, посвящённого изменению алкогольной ситуации в России в последние годы. Исследовательский интерес связан с неоднозначностью современных тенденций: на фоне снижения общих показателей употребления алкоголя сохраняются группы риска, меняются мотивы потребления и формы его повседневного оправдания. Поэтому алкогольное поведение рассматривается через связь употребления спиртного с социальными нормами, досугом, стрессом, адаптацией и различиями между группами населения.

Особое значение имеет адаптационная функция алкоголя. В исследованиях девиантного поведения неоднократно отмечалось, что злоупотребление алкоголем среди социально уязвимых групп может выступать способом переживания материальных трудностей, неопределённости, социальной исключённости и повседневного напряжения. Обращение к алкоголю как к средству временного расслабления или эмоциональной разрядки встречается и среди более благополучных групп населения [13]. В таких случаях употребление спиртного может восприниматься как привычный элемент отдыха, коммуникации или компенсации высокой нагрузки. Поэтому анализ алкогольной ситуации требует внимания к разным социальным группам, мотивам потребления и тем повседневным смыслам, которые делают алкоголь социально приемлемым даже при осознании его рисков.

Основная исследовательская проблема статьи связана с неоднозначностью современной алкогольной ситуации в России. По ряду обобщённых показателей она выглядит более благополучной: сокращается доля употребляющих алкоголь, растёт группа не употребляющих спиртное, особенно среди молодёжи. Вместе с тем на уровне отдельных возрастных и гендерных групп, а также в студенческой среде сохраняются регулярные, частые и рискованные формы потребления, связанные со стрессом, эмоциональной разрядкой, досугом и повседневной допустимостью алкоголя.

Цель статьи — выявить особенности алкогольных практик в разных социальных группах российского общества и показать, как на фоне общего сокращения

² Новая эпоха трезвости: аналитический обзор // ВЦИОМ. 07.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti> (дата обращения: 08.04.2026).

распространённости употребления алкоголя сохраняются регулярные, адаптационные и рискованные формы алкогольного поведения.

Для достижения этой цели решаются следующие задачи: охарактеризовать основные тенденции изменения алкогольной ситуации в России; рассмотреть различия алкогольных практик по полу и возрасту; проанализировать частоту употребления алкоголя, структуру предпочитаемых напитков, мотивы потребления и отношение к спиртному; выявить группы, в которых алкоголь сохраняет адаптационно-компенсаторную, коммуникативную или рискованную функцию; рассмотреть особенности алкогольных практик студенческой молодёжи.

Методолого-методические основания исследования. В современных социальных исследованиях употребление алкоголя рассматривается как часть повседневной жизни: досуга, общения, семейных и дружеских ритуалов, профессиональной среды и способов переживания напряжения. Такой подход помогает видеть за общими показателями потребления конкретные ситуации: где, с кем, по какому поводу, в каком количестве и с какими ожиданиями человек обращается к спиртному. В этом отношении значима работа П. Мейер, А. Уорда и Дж. Холмса, в которой употребление алкоголя рассматривается через теорию социальных практик. Авторы используют понятие «drinking occasions», то есть эпизодов употребления, различающихся по месту, времени, участникам, мотивам и связи с другими действиями повседневной жизни [14].

Важное значение имеет понятие культуры потребления алкоголя. В работах Р. Рума, М. Савич и других авторов показано, что употребление спиртного регулируется формальными ограничениями, неформальными нормами, представлениями о допустимом опьянении, уместных ситуациях питья, гендерных и возрастных ожиданиях, реакциями ближайшего окружения [15; 16]. Поэтому социальная оценка алкогольного поведения зависит от количества выпитого, ситуации, группы и представлений о допустимом поведении.

Для анализа различий между социальными группами значимы исследования, в которых алкогольное поведение связывается с социальной структурой, возрастом, полом, образованием, материальным положением, занятостью и образом жизни. В российской социологии эта проблематика раскрывается в работах З. В. Котельниковой, В. В. Радаева, Я. М. Рощиной, В. А. Кондратенко и других авторов. З. В. Котельникова анализирует практики употребления алкоголя с учётом социальных различий, типов напитков, регулярности и ситуаций потребления [11]. В. В. Радаев, Я. М. Рощина и В. А. Кондратенко показывают изменение поколенческих моделей употребления алкоголя, структуры напитков и типов потребления, особенно среди молодёжи [7; 8; 17].

В настоящей статье алкогольное поведение рассматривается как социальная практика, в которой соединяются частота употребления, выбор напитков, ситуация потребления, мотивы обращения к алкоголю и нормативная оценка опьянения. Особое внимание уделяется различиям между социальными группами, а также случаям, когда алкоголь сохраняет адаптационную, компенсаторную или коммуникативную функцию.

Эмпирическую основу статьи составляют данные авторских социологических исследований сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН. Для анализа алкогольных практик городского трудоспособного населе-

ния использованы массивы онлайн-опросов: 2009–2010 гг. (N=1200)³, 2017 г. (N=1406), 2020 г. (N=1250)⁴ и 2024 г. (N=1300). Во всех волнах опрашивались жители 13 крупных городов России в возрасте от 18 до 60 лет: Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Омска, Челябинска, Уфы, Сыктывкара, Архангельска, Краснодара, Казани, Екатеринбурга, Тюмени и Перми. Выбор городов был связан с задачей представить разные региональные и социально-экономические типы крупной городской среды. Опросы проводились по многоступенчатой квотной выборке с учётом пола и возраста респондентов. Полученные данные характеризуют обследованные городские группы; их прямое распространение на всё население России требует осторожности.

Отдельный эмпирический блок составляют исследования студенческой молодёжи. Для анализа изменений студенческих алкогольных практик использованы массивы опросов 2013 г. (N=680, Москва, Иваново, Казань, Краснодар, Таганрог, доля женщин 49%), 2016 г. (N=246, Москва, Краснодар, Ярославль, Рыбинск, доля женщин 54%) и 2024 г. (N=266, Москва, Краснодар, Казань, Ярославль, Рыбинск, доля женщин 45%). Все три массива были получены в рамках исследований студенческого образа жизни и поведенческих рисков, что позволяет сопоставлять близкие по содержанию показатели алкогольного поведения.

Сопоставление проводится по вопросам, представленным во всех или в большинстве волн: факт употребления алкоголя, частота потребления, опыт сильного опьянения, отношение к спиртному и отдельные показатели рискованного поведения. Структура предпочитаемых напитков, опыт употребления большего количества алкоголя, чем планировалось, опохмеление и появление на занятиях в нетрезвом виде анализируются по тем волнам, где соответствующие вопросы были представлены в сопоставимом виде. Сравнение проводилось только по вопросам, совпадающим по содержанию или близким по формулировке. При различиях в шкалах и вариантах ответа данные использовались как ориентировочные индикаторы направленности изменений.

С учётом различий в объёме выборок, составе городов и частичных изменений инструментария эти данные используются для анализа направленности изменений в студенческой среде. Полученные результаты характеризуют обследованные группы студентов и не претендуют на строгую репрезентацию всей студенческой молодёжи России. При этом повторяемость ключевых вопросов позволяет выявить важные тенденции: изменение доли употребляющих и не употребляющих алкоголь, трансформацию частоты потребления, сохранение рискованных эпизодов и изменение нормативных оценок алкогольного поведения.

Интенсивность употребления алкоголя оценивалась по частоте потребления. Выделялись группы частого употребления — от одного раза в неделю и чаще; регулярного — от одного до трёх раз в месяц; эпизодического — от одного раза в два-три месяца до нескольких раз в год; редкого — один раз в год и реже. При анализе учитывались пол, возраст, материальное положение, социально-профессиональный статус и другие социально-демографические характеристики.

³ Массивы 2009 и 2010 гг. объединены вследствие близости сроков проведения опросов, единства методики и отсутствия значимых различий в структуре выборки и распределении ответов по ключевым показателям.

⁴ В 2020 г. опрос проводился в период введённого режима самоизоляции в России, поэтому ответы могли частично отражать актуальный опыт кризисного периода. Значения 2020 г. целесообразно рассматривать как кризисную точку ряда, а не как прямое продолжение обычной динамики.

Для более глубокого понимания женских алкогольных практик были использованы материалы количественных измерений мотивов обращения к алкоголю, данные о способах оправдания употребления и связи спиртного со стрессом, одиночеством, профессиональной нагрузкой и семейными обстоятельствами.

Дополнительно использованы статистические и социологические материалы ВОЗ, ВЦИОМ, Минздрава России, РМЭЗ НИУ ВШЭ⁵, а также публикации российских исследователей о динамике алкогольного потребления, различиях между социальными группами и молодёжных алкогольных практиках.

Вовлечённость городского трудоспособного населения в употребление алкоголя. В России алкогольная ситуация в последние десятилетия заметно изменилась. Официальные статистические и социологические данные фиксируют сокращение распространённости употребления алкоголя и рост доли тех, кто отказывается от спиртного. По данным ВЦИОМ, за последние 20 лет доля потребителей алкоголя сократилась с 73% до 52%, а доля не употребляющих алкоголь выросла с 27% до 48%⁶. В том же исследовании одной из основных причин злоупотребления алкоголем россияне называют стремление снять стресс и напряжение, что указывает на сохранение адаптационной функции алкоголя в повседневной жизни.

Сходные тенденции выявлены в исследованиях, выполненных на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. В. В. Радаев и Я. М. Рощина показывают, что молодые когорты россиян, родившихся в 1990–2002 гг., употребляют алкоголь реже представителей старших поколений даже при контроле возрастных и периодных эффектов [7]. Материалы НИУ ВШЭ по молодёжи 14–22 лет также свидетельствуют о заметном сокращении доли пьющих с 2006 г.; при этом среди молодёжи меняются объёмы и структура употребления алкоголя [8].

Эти данные требуют осторожной интерпретации. Сокращение доли потребителей алкоголя и снижение среднедушевых объёмов потребления не означают исчезновения алкогольных рисков. Сохраняются различия между мужчинами и женщинами, возрастными группами, людьми с разным уровнем образования, материальным положением, занятостью и семейным статусом. Меняются и сами повседневные алкогольные практики: тип напитка, частота употребления, допустимость опьянения, мотивы обращения к алкоголю, связь спиртного с отдыхом, дружеским общением, одиночеством, стрессом и переживанием жизненных трудностей. В работах В. В. Радаева и Я. М. Рощиной отмечается, что анализ алкогольного потребления должен учитывать не один обобщённый объём выпитого, а частоту употребления, количество алкоголя за один эпизод, тип напитков, обстоятельства потребления и признаки рискованного поведения [6].

Данные опросов городского трудоспособного населения, проведённых сектором социологии девиантного поведения, подтверждают общую тенденцию к росту группы не употребляющих алкоголь. Если в 2009–2010 гг. доля непьющих

⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rhms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 05.04.2026).

⁶ Новая эпоха трезвости: аналитический обзор // ВЦИОМ. 07.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti> (дата обращения: 08.04.2026).

горожан составляла около 8%, то в 2024 г. она достигла 19%. Это свидетельствует о постепенном изменении культурной нормы: отказ от алкоголя становится более заметной и социально приемлемой моделью поведения. Вместе с тем рост группы непьющих не сопровождается равномерным ослаблением алкогольных практик. По данным исследования, доля часто употребляющих алкоголь — от одного раза в неделю до ежедневного употребления, включая многодневные эпизоды после перерыва, — на протяжении рассматриваемого периода остаётся сравнительно значимой и колеблется в пределах примерно четверти-трети опрошенных. Эта картина позволяет говорить о поляризации потребительских траекторий: часть городского населения исключает алкоголь из повседневной жизни, тогда как другая часть сохраняет его как привычную форму досуга, общения или эмоциональной разрядки.

Сходную неоднозначность демонстрируют и данные алкогольного рынка. По итогам 2025 г. розничные продажи алкогольной продукции без учёта пива, пивных напитков, сидра, пуаре и медовухи снизились на 9,3%⁷, однако динамика различалась по видам напитков⁸. Поэтому снижение доли пьющих следует рассматривать вместе с частотой употребления, структурой напитков, доступностью алкоголя и распространением домашних или незарегистрированных форм производства спиртного.

Двойственность ситуации проявляется и на уровне общественных установок. С одной стороны, согласно данным опроса сектора, усиливается поддержка трезвости как нормативной модели: утверждение «трезвость — норма жизни» в 2024 г. разделяет около трети респондентов, тогда как в 2009–2010 гг. этот показатель составлял 23%. С другой стороны, около 40% опрошенных допускают злоупотребление алкоголем как личное дело человека или как редкое исключение. Это снижает силу общественного осуждения и переводит часть рискованных практик в зону индивидуального выбора.

Возрастные и гендерные различия показывают, что общая динамика алкогольного потребления неоднородна. Наиболее заметный рост отказа от алкоголя фиксируется среди молодёжи, тогда как в средних возрастных группах сохраняются более частые формы употребления. Мужчины по-прежнему чаще входят в группы регулярного и частого потребления, однако женские алкогольные практики также становятся более дифференцированными. Поэтому далее отдельно рассматриваются гендерные особенности потребления алкоголя и женские группы риска.

Гендерные особенности и женские практики потребления алкоголя. Гендер остаётся одним из существенных параметров анализа алкогольного поведения. Международные данные показывают, что мужчины в среднем чаще употребляют спиртное, потребляют больше алкоголя в пересчёте на чистый спирт и чаще сталкиваются с алкоголь-обусловленными последствиями⁹. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2019 г. алкоголь в течение последних

⁷ Статистические сборники «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции» (2011–2025 гг.) // Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. URL: <https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828> (дата обращения: 05.04.2026).

⁸ Продажи алкоголя в России в 2025 году стали минимальными за восемь лет // РБК. 26.01.2026. URL: <https://www.rbc.ru/wine/news/697369f19a794734ccad8deb> (дата обращения: 15.05.2026).

⁹ Global status report on alcohol and health and treatment of substance use disorders // World Health Organization. 25.06.2024. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240096745> (accessed: 31.05.2026).

12 месяцев употребляли 52% мужчин и 35% женщин. Среднедушевое потребление чистого алкоголя составляло 8,2 л среди мужчин и 2,2 л среди женщин. Алкоголь также вносил большой вклад в мужскую смертность: с его употреблением были связаны 6,7% всех смертей среди мужчин и 2,4% среди женщин¹⁰. Международные исследования фиксируют постепенное сокращение гендерного разрыва в алкогольном поведении, особенно в молодых поколениях. Систематический обзор Т. Слейд и соавторов показал, что у поколений, родившихся позже, различия между мужчинами и женщинами постепенно уменьшаются по трём группам показателей: факту употребления алкоголя, проблемным формам потребления и алкоголь-обусловленным последствиям [18]. Поэтому женские алкогольные практики требуют отдельного рассмотрения: за обобщёнными показателями могут скрываться разные возрастные модели потребления — от полного отказа от спиртного до регулярного употребления и эпизодов выраженного опьянения.

Российские исследования также показывают, что мужские и женские алкогольные практики различаются по частоте употребления, структуре напитков и нормативной оценке опьянения. Так, данные ВШЭ свидетельствуют, что среди молодёжи 14–22 лет различия по полу проявляются прежде всего в структуре потребления: юноши чаще ориентированы на пиво, вино и водку или крепкие напитки, тогда как среди девушек более заметны пиво, вино и алкогольные коктейли [8]. При этом структура алкогольного потребления в России становится более смешанной: выбор напитков уже труднее объяснять только социальным классом или прежним делением на «простые» мужские и женские модели [17]. Данные ВЦИОМ 2024 г. сохраняют гендерную специфику предпочтений: мужчины чаще выбирают пиво и крепкий алкоголь, женщины — вино¹¹. Однако такие различия уже не исчерпывают всей картины, поскольку женщины включены и в более частые, и в более рискованные формы употребления.

Сравнение авторских опросов трудоспособного городского населения за 2009–2010, 2017, 2020 и 2024 гг. показывает изменение мужских и женских алкогольных практик по двум направлениям: расширяется группа не употребляющих алкоголь и сохраняется гендерное различие по частым формам употребления. Среди мужчин доля не употребляющих алкоголь выросла с 9,7% в 2009–2010 гг. до 21,1% в 2024 г., среди женщин — с 5,8% до 24,3%. При этом мужчины чаще остаются в группе частого потребления: в 2024 г. раз в неделю и чаще употребляли алкоголь 32,6% мужчин и 21,5% женщин (см. табл. 1).

Данные таблицы 1 показывают, что к 2024 г. женщины немного чаще мужчин входят в группу не употребляющих алкоголь и одновременно сохраняют заметную вовлечённость в регулярное и частое употребление. Мужчины на всём протяжении наблюдения чаще относятся к группе частого потребления, хотя разрыв по этому показателю к 2024 г. становится менее выраженным, чем в 2009–2010 гг.

Анализ возрастных групп уточняет эту картину. Уменьшение различий между мужчинами и женщинами наиболее заметно среди молодёжи. В группе 18–23 лет частое употребление снизилось у представителей обоих полов: среди мужчин — с 33,0% в 2009–2010 гг. до 12,0% в 2024 г., среди женщин — с 22,9% до 10,8%.

¹⁰ Алкоголь // Всемирная организация здравоохранения. 28.06.2024. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/alcohol> (дата обращения: 05.04.2026).

¹¹ Новая эпоха трезвости: аналитический обзор // ВЦИОМ. 07.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti> (дата обращения: 08.04.2026).

Таблица 1

Частота употребления алкоголя мужчинами и женщинами, %

Год	Пол	Не употребляют	Частое употребление	Регулярное употребление	Эпизодическое употребление	Редкое употребление
2009/2010	Мужчины	9,7	37,4	33,3	17,5	2,1
	Женщины	5,8	20,4	36,3	35,4	2,1
2017	Мужчины	12,0	35,0	31,5	19,7	1,8
	Женщины	11,7	24,8	29,1	30,9	3,5
2020	Мужчины	13,6	43,8	28,9	13,7	0,0
	Женщины	19,2	21,8	35,5	23,4	0,2
2024	Мужчины	21,1	32,6	25,2	16,6	4,5
	Женщины	24,3	21,5	23,8	22,8	7,6

Сокращение оказалось более выраженным среди молодых мужчин, поэтому к 2024 г. показатели частого употребления у молодых мужчин и женщин почти сравнялись. Такая динамика хорошо соотносится с выводами В. В. Радаева и Я. М. Рощиной о том, что молодые когорты россиян, родившихся после 1990 г., употребляют алкоголь реже старших поколений даже при контроле возрастных и периодных эффектов [7].

Дальнейший анализ позволяет подробнее рассмотреть женское потребление. В таблице 2 представлены две группы показателей: доля женщин, не употребляющих алкоголь, и доля женщин, входящих в группу частого и регулярного потребления.

Таблица 2

Динамика алкогольного поведения женщин по возрастным группам, %

Возраст	Показатель	2009/2010	2017	2020	2024
18–23 года	Не употребляют	6,1	13,1	24,8	33,1
	Частое + регулярное	64,1	47,7	56,9	36,3
24–29 лет	Не употребляют	7,3	11,8	21,5	24,4
	Частое + регулярное	55,3	58,6	54,7	45,8
30–39 лет	Не употребляют	4,1	11,8	15,3	23,5
	Частое + регулярное	57,4	56,7	61,6	48,2
40–49 лет	Не употребляют	4,7	9,2	15,1	20,7
	Частое + регулярное	53,3	52,9	66,3	51,7
50+ лет	Не употребляют	7,1	11,7	19,4	14,9
	Частое + регулярное	51,5	46,8	43,1	48,5

Как видно из таблицы 2, женские алкогольные практики заметно различаются по возрасту. Среди молодых женщин 18–23 лет наиболее выражен рост отказа от алкоголя: доля не употребляющих увеличилась с 6,1% в 2009–2010 гг. до 33,1% в 2024 г. Доля частого и регулярного употребления в этой группе снизилась с 64,1% до 36,3%. Это позволяет говорить о более широком распространении трезвеннических и эпизодических моделей потребления среди молодых женщин.

В группах 24–29 и 30–39 лет также растёт доля не употребляющих алкоголь, однако частое и регулярное потребление сохраняется у значительной части респонденток. В 2024 г. эти формы отмечались у 45,8% женщин 24–29 лет и у 48,2% женщин 30–39 лет. Наиболее показательной является группа 40–49 лет: доля не употребляющих здесь выросла с 4,7% до 20,7%, но частое и регулярное употребление в 2024 г. сохраняется у 51,7% респонденток. Кроме того, именно в этой возрастной группе зафиксирован самый высокий среди женщин показатель частого употребления — 35,6%.

Такой результат можно объяснить сочетанием поколенческого и жизненного факторов. Женщины 40–49 лет в 2024 г. относятся к поколениям 1975–1984 гг. рождения; их подростковая социализация и ранняя взрослость пришлись на конец 1980-х, 1990-е и начало 2000-х гг. — период высокой распространённости алкогольных практик, резких социальных изменений и более выраженной культурной нормализации потребления. Часть привычек могла закрепляться ещё в молодости. В среднем возрасте к этому добавляются профессиональная, семейная и бытовая нагрузка, забота о детях и старших родственниках, усталость и хроническое напряжение. В таких условиях алкоголь может сохранять значение привычного способа отдыха, эмоциональной разрядки или временного снятия стресса.

Мотивы употребления алкоголя среди женщин (массив 2024 г.) также различаются по возрасту. Среди женщин, употребляющих спиртное, во всех возрастных группах наиболее распространённым остаётся объяснение, связанное с личным желанием и возможностью позволить себе алкоголь (около 70%). Значимым мотивом является желание хорошо провести время, повеселиться, поддержать общение. Среди молодых женщин он выражен сильнее — 54%, тогда как в группах 24–49 лет встречается реже — около 40%.

Наряду с досуговыми мотивами сохраняется обращение к алкоголю как к средству снятия напряжения и плохого настроения. Среди употребляющих алкоголь женщин 18–23 лет этот мотив отметили 23%. В более старших группах он выражен заметнее: среди женщин 24–29 лет его называла примерно каждая третья, среди женщин 40–49 лет — примерно каждая четвёртая. Таким образом, для части молодых женщин алкоголь чаще связан с общением и развлечением, а в средних возрастных группах заметнее его адаптационно-компенсаторная функция.

Дополнительно эта связь прослеживается в ответах на другой вопрос — о способах преодоления стресса, плохого настроения или тяжёлой жизненной ситуации. Здесь расчёт проводился уже по всей женской части выборки, поэтому значения ниже. В целом среди женщин алкоголь как один из таких способов назвали 14,1% респонденток. Наиболее высокий показатель зафиксирован в группе 40–49 лет — 20,9%; среди женщин 18–23 лет он составил 14,6%, 24–29 лет — 15,0%, 30–39 лет — 10,9%, 50 лет и старше — 11,7%. Эти данные позволяют рассматривать женщин 40–49 лет как группу, где частое употребление алкоголя чаще связано с эмоциональным напряжением и повседневной нагрузкой.

Такое распределение мотивов соотносится с исследованиями, в которых женское проблемное употребление алкоголя рассматривается в связи с эмоциональным напряжением, семейными и социальными трудностями [19]. В этом смысле частое употребление у части женщин среднего возраста может быть связано с попыткой временно снизить эмоциональное напряжение, усталость и ощущение повседневной перегрузки.

Рассмотрим рискованные алкогольные практики: состояние сильного опьянения, опыт опохмеления, употребление спиртного специально ради опьянения и превышение запланированного количества выпитого. Эти показатели характеризуют качество алкогольного эпизода и позволяют различать модели потребления по степени риска: сохранению контроля над количеством выпитого, ориентации на выраженное опьянение, тяжести последствий и повторяемости проблемных ситуаций. Показатели рискованных практик рассчитаны среди респондентов, употребляющих алкоголь и давших валидный ответ на соответствующий вопрос; при пересчёте на всю половозрастную группу, включая не употребляющих алкоголь, значения будут ниже.

По ряду показателей мужчины сохраняют более высокую вовлечённость в рискованные формы алкогольного поведения. В 2017 г. сильное алкогольное опьянение за последний год отмечали 38,1% мужчин и 20,3% женщин из числа употребляющих алкоголь и давших валидный ответ на соответствующий вопрос. В 2024 г. мужской показатель почти не изменился и составил 38,5%, среди женщин он вырос до 25,2%. Гендерный разрыв сохраняется: мужчины чаще сообщают об опыте выраженного опьянения. При этом женский показатель также заметен: примерно каждая четвёртая женщина из числа употребляющих алкоголь и ответивших на вопрос имела такой опыт за последний год.

Сходная картина видна по опыту опохмеления. В 2024 г. когда-либо опохмелялись 59,6% мужчин и 34,6% женщин, время от времени или чаще — 31,5% мужчин и 10,9% женщин. Эти данные указывают на более тяжёлые формы алкогольного опыта среди мужчин. Среди женщин подобные практики распространены слабее, хотя их уровень также нельзя считать незначительным.

Женская группа при этом внутренне неоднородна. Наиболее высокий показатель сильного опьянения в 2024 г. зафиксирован среди женщин 18–23 лет, употребляющих алкоголь: 42,6% ответивших сообщили, что за последний год хотя бы раз испытывали состояние, при котором «не могли держаться на ногах». Этот результат характеризует пьющую часть молодых женщин; при пересчёте на всю возрастную группу, включая не употребляющих алкоголь, показатель составляет 26,9%. Опыт опохмеления среди молодых женщин также заметен. В 2024 г. среди употребляющих алкоголь женщин 18–23 лет когда-либо опохмелялись 37,8%, а время от времени или чаще — 16,8%. Это самый высокий показатель повторяющегося опохмеления среди женских возрастных групп.

Данные показатели требуют осторожной интерпретации, поскольку в массиве отсутствовали специальные вопросы о конкретных ситуациях сильного опьянения и опохмеления. Тем не менее они указывают на наличие эпизодически интенсивной модели потребления внутри пьющей части молодых женщин. С учётом данных о мотивах можно предположить, что такие эпизоды чаще связаны с досугом, общением, праздничными ситуациями и стремлением к эмоциональной разрядке.

В целом полученные данные подтверждают неоднородность женских алкогольных практик. Рост доли женщин, не употребляющих алкоголь, сочетается с сохранением регулярного и частого употребления в отдельных возрастных группах и с рискованными эпизодами внутри группы употребляющих. У молодых женщин риск чаще проявляется через сильное опьянение и опохмеление, у женщин среднего возраста — через частое употребление, связанное со стрессом, усталостью и повседневной нагрузкой. Поэтому женское алкогольное

поведение нельзя оценивать только по доле пьющих и непьющих: необходимо учитывать возраст, частоту употребления, мотивы обращения к алкоголю и характер алкогольного эпизода.

Алкогольные практики студенческой молодёжи. Отдельный блок эмпирических данных касается студенческой молодёжи. Для анализа использованы материалы исследования сектора социологии девиантного поведения за 2013 г. (N=680), 2016 г. (N=246) и 2024 г. (N=266). Сопоставление этих данных позволяет рассмотреть, как менялись частота употребления алкоголя, структура предпочитаемых напитков, установки по отношению к спиртному и отдельные рискованные практики.

В 2013 г. алкоголь занимал заметное место в студенческой повседневности. Не употребляли алкоголь 16% опрошенных. Среди употребляющих спиртное студентов частое употребление — от одного до семи раз в неделю — отмечали 25%, ещё 3% указывали, что могут употреблять спиртное несколько дней подряд. Регулярное употребление — от одного до нескольких раз в месяц — фиксировалось у 31% употребляющих спиртное студентов, эпизодическое употребление по праздникам или несколько раз в год — у 32%, редкое употребление, один раз в год и реже, — у 9% (табл. 3). В 2016 г. данные показывали схожую картину: 18% студентов не употребляли алкоголь, но потребление немного смягчилось. Среди употребляющих спиртное студентов частое употребление — от одного до семи раз в неделю — отмечали 19%, 1% могли пить несколько дней подряд. Регулярное потребление фиксировалось у 35% употребляющих спиртное студентов, эпизодическое — у 39%, редкое употребление — у 6%.

Таблица 3

Частота употребления алкоголя студентами в 2013, 2016 и 2024 гг., %

Показатель	2013 г.	2016 г.	2024 г.
Частое употребление среди употребляющих	25	19	18
Регулярное употребление среди употребляющих	31	35	30
Эпизодическое употребление среди употребляющих	32	39	44
Редкое употребление среди употребляющих	9	6	7
Периодические длительные употребления среди пьющих	3	1	1
Не употребляют алкоголь	16	18	40

Примечание: Показатели частого, регулярного, эпизодического, редкого и периодического длительного употребления рассчитаны среди студентов, употребляющих алкоголь. Доля не употребляющих алкоголь рассчитана от всего массива соответствующей волны.

В 2024 г. группа не употребляющих алкоголь заметно увеличилась. На вопрос о факте употребления спиртного около 40% студентов сообщили, что не употребляют алкоголь или отказались от него. Среди употребляющих алкоголь стали преобладать нерегулярные модели: по праздникам или несколько раз в год — 44%. Доля регулярно употребляющих алкоголь — от одного до нескольких раз в месяц — снизилась до 30%, доля часто употребляющих — до 18%. По сравнению с 2013 и 2016 гг. увеличилась доля отказа от алкоголя, однако среди продолжающих употреблять алкоголь сохраняются регулярные и частые формы потребления (табл. 3).

Современная картина становится более неоднородной, а группа студентов более поляризованной. Часть студентов исключает алкоголь из повседневности, другая часть продолжает употреблять его в ситуациях общения, отдыха, праздников и эмоциональной разрядки.

Особого внимания требуют рискованные характеристики алкогольного поведения. Соответствующие показатели рассчитаны среди студентов, употребляющих алкоголь и давших валидный ответ на вопрос. В исследовании 2013 г. каждый пятый студент отмечал, что употребляет спиртное специально для достижения состояния опьянения; почти каждый третий (31%) за последний год испытывал сильное алкогольное опьянение, при котором «не мог держаться на ногах»; 38% сообщали, что регулярно выпивают больше, чем планировали. Эти данные показывают, что риск был связан не только с частотой потребления, но и с характером алкогольного эпизода: стремлением к опьянению, потерей контроля над количеством выпитого и выраженными последствиями употребления.

В 2016 г. эти показатели сохранялись. Употребление спиртного специально ради чувства опьянения отмечали 17%. Сильное алкогольное опьянение за последний год фиксировалось у 29% ответивших (23% сообщали, что это случилось один-два раза, 7% — более двух раз). Употребление большего количества алкоголя, чем планировалось, отмечали 35% ответивших.

В 2024 г. опыт сильного опьянения за последний год отметили 26% ответивших (21% сообщили, что это случилось один-два раза, 5% — более двух раз). Показатель чуть ниже, чем в 2016 г., однако его уровень остаётся значимым: примерно каждый четвёртый из ответивших студентов имел опыт выраженного алкогольного опьянения за последний год.

Показатель появления на занятиях в нетрезвом виде особенно важен, поскольку показывает проникновение алкогольных практик в образовательную среду. В 2013 г. 17% студентов признавались, что посещали занятия в нетрезвом виде; среди часто употребляющих алкоголь этот показатель был существенно выше (42%). В 2016 г. доля студентов, имевших такой опыт, снизилась до 12%, при этом 9% указали, что это случалось один-два раза, 2% — несколько раз, 0,4% — часто. Среди часто пьющих студентов на занятия в нетрезвом виде приходил почти каждый третий (29%). Даже сниженный показатель остаётся высоким для студенческой среды, поскольку речь идёт уже не о досуговом эпизоде, а о нарушении границ учебной повседневности. В 2024 г. в нетрезвом виде на занятия приходили 9% студентов.

Структура предпочитаемых напитков также менялась. В 2013 г. наиболее распространённым напитком среди студентов оставалось пиво — 51%, далее следовали шампанское — 43%, сладкое и полусладкое вино — 40%, виски/текила — 39%, коньяк — 29%, водка — 24%. Эти данные показывают, что уже в 2013 г. студенческое потребление имело достаточно разнообразный характер: наряду с пивом заметное место занимали вино, шампанское, а также крепкие и статусно маркированные напитки (табл. 4).

В 2016 г. несколько увеличилась доля студентов, выбирающих сладкое и полусладкое вино, при одновременном снижении доли пива и ряда крепких напитков. Этот результат может быть связан как с особенностями состава массива, так и с изменением студенческих предпочтений, поэтому интерпретировать его следует осторожно. Сладкое и полусладкое вино выбирали 45,7% опрошенных, пиво — 44,3%, шампанское — 36,7%, виски — 25,7%, водку — 20,8%. К 2024 г.

заметно снизилась распространённость ряда крепких напитков, в первую очередь коньяка и виски, в меньшей степени — водки; при этом доля женщин в массиве 2024 г. составляла 45%.

Таблица 4

**Структура алкогольных напитков, употребляемых студентами, 2013, 2016 и 2024 гг.,
% от числа опрошенных***

Напитки	2013 г.	2016 г.	2024 г.
Пиво	51,0	44,3	42,2
Шампанское	43,0	36,7	38,0
Сладкое/полусладкое вино	40,0	45,7	30,2
Виски	39,0**	25,7	19,8
Водка	24,0	20,8	18,7
Сухое вино	21,0	19,2	11,4
Коньяк	29,0	13,5	9,3
Вермут/мартини	23,0	13,5	11,2
Коктейли покупные	20,4	13,1	11,1
Коктейли индивидуального приготовления	18,0	15,9	10,0
Домашние наливки/домашнее вино	15,0	6,9	3,1
Ликёры	14,0	10,6	9,0
Самогон/чача	3,0	3,3	3,2

Примечания: * Вопрос предполагал множественный выбор вариантов ответа; проценты рассчитаны от числа опрошенных в соответствующей волне и не суммируются до 100%.

** В данных 2013 г. категория была обозначена как «виски, текила, ром»; в 2016 г. «виски» и «джин, текила, ром» фиксировались отдельно, поэтому сопоставление по этой позиции носит ориентировочный характер.

Данные о напитках показывают ослабление пивной доминанты и сохранение разнообразной структуры студенческого потребления. Пиво остаётся одним из наиболее распространённых напитков, но его преимущество снижается. Одновременно заметную роль сохраняют вина, шампанское и часть крепкого алкоголя. Эти результаты позволяют говорить скорее о диверсификации студенческого потребления, чем о прямом переходе к какой-либо одной модели употребления спиртного. Уменьшение доли отдельных напитков само по себе не свидетельствует о переходе к менее рискованным формам потребления. Алкоголь продолжает присутствовать в разных досуговых ситуациях, а риск связан с частотой употребления, количеством выпитого, мотивом обращения к спиртному и способностью контролировать алкогольный эпизод.

Данные ВЦИОМ 2024 г. показывают, что у самых молодых поколений алкогольные предпочтения заметно отличаются от старших возрастных групп. Среди представителей цифрового поколения, родившихся в 2001 г. и позднее, 54% не употребляют алкоголь; среди тех, кто выбирает спиртные напитки, чаще называется пиво — 27%, реже вино — 13%, тогда как водка практически отсутствует в структуре предпочтений — 1%. У младших миллениалов 1992–2000 гг. доля непьющих ещё выше — 61%, а среди употребляющих спиртное чаще называются пиво и вино¹².

¹² Новая эпоха трезвости: аналитический обзор // ВЦИОМ. 07.10.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/novaja-ehpokha-trezvosti> (дата обращения: 08.04.2026).

Отношение студентов к алкоголю также демонстрирует двойственность. В 2013 г. более трети студентов ориентировались на трезвость или максимально редкое употребление спиртного, ещё 42% поддерживали умеренное употребление по случаю праздника или в хорошей компании. В совокупности 78% опрошенных на уровне деклараций выбирали трезвость или умеренное употребление. В 2016 г. трезвеннически-осторожные установки были выражены сильнее: 18,8% выбрали позицию полной трезвости, 25,5% — установку «лучше пить как можно реже», вместе — 44,3%. В 2024 г. этот показатель остаётся близким: 25,2% выбрали полную трезвость, 20,5% — максимально редкое употребление, вместе — 45,7%. Модель умеренного употребления по праздникам или в компании в 2016 г. поддерживали 33,5%, в 2024 г. — 31,3%.

В 2024 г. дополнительно фиксируется достаточно выраженное осуждение неумеренного употребления алкоголя: 64,5% студентов считают, что такое поведение нельзя оправдать ни при каких обстоятельствах. При этом 19,5% называют это личным делом каждого, 8,5% считают допустимым в некоторых случаях, 3,0% предлагают относиться снисходительно. Следовательно, большинство студентов осуждает неумеренное употребление, но часть молодёжи сохраняет установку на индивидуальную допустимость или ситуативное оправдание такого поведения.

Сравнение трёх волн позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в 2024 г. заметно увеличивается группа студентов, отказавшихся от алкоголя. Во-вторых, среди употребляющих сохраняются регулярные и частые формы потребления. В-третьих, рискованные практики становятся менее распространёнными по ряду индикаторов, но сохраняют значимый уровень: сильное опьянение за последний год отмечает примерно четверть ответивших студентов. В-четвёртых, алкоголь остаётся частью досуга, общения и эмоциональной разрядки для части студенческой молодёжи. Поэтому современную ситуацию в студенческой среде целесообразно описывать как более неоднородную: растёт группа трезвости и редкого употребления, но внутри группы употребляющих сохраняются регулярные и рискованные модели поведения.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что современная алкогольная ситуация в России становится более неоднородной. Общая тенденция к снижению распространённости употребления спиртного подтверждается ростом доли людей, исключаящих алкоголь из повседневной жизни, и усилением трезвеннических установок, особенно среди молодёжи. При этом регулярные, частые и рискованные формы потребления сохраняются прежде всего среди части мужчин, женщин среднего возраста, а также внутри пьющей части молодых и студенческих групп.

Полученные данные позволяют рассматривать алкогольное поведение как часть повседневных социальных практик. Значение имеют частота употребления, выбор напитков, отношение к опьянению, мотивы обращения к алкоголю и ситуации потребления. В одних группах закрепляется отказ от спиртного или редкое употребление, в других алкоголь сохраняет место в досуге, общении, эмоциональной разрядке и совладании с напряжением.

Женские алкогольные практики отличаются выраженной внутренней дифференциацией. Среди молодых женщин 18–23 лет наиболее заметен отказ от спиртного: в 2024 г. не употребляли алкоголь 33% респонденток этой группы. Вместе с тем внутри пьющей части молодых женщин фиксируются эпизоды

сильного опьянения и опохмеления. Среди женщин среднего возраста, особенно в группе 40–49 лет, заметнее связь частого употребления со стрессом, усталостью, повседневной нагрузкой и адаптационно-компенсаторными мотивами. Это указывает на разные основания вовлечённости в алкогольные практики в зависимости от возраста.

Материалы студенческих опросов также показывают расслоение алкогольных практик. Среди студентов увеличивается доля не употребляющих алкоголь, усиливаются установки на трезвость и умеренность. Одновременно среди употребляющих сохраняются регулярные формы потребления, опыт сильного опьянения, появление на занятиях в нетрезвом виде и досуговые модели употребления.

Таким образом, современная алкогольная ситуация характеризуется поляризацией потребительских моделей. Расширение трезвеннических установок сочетается с сохранением регулярного, стрессового и эпизодически интенсивного употребления в конкретных возрастных и гендерных подгруппах. Поэтому улучшение обобщённых показателей не устраняет социальных рисков, связанных с алкоголем.

Полученные данные показывают ограниченность универсальных профилактических подходов. Профилактика должна быть более адресной и учитывать реальные модели потребления. Для молодёжи значимы меры, направленные на снижение эпизодов сильного опьянения, работу с групповыми нормами досуга и недопущение переноса алкогольных практик в образовательную среду. Для женщин среднего возраста требуется внимание к стрессу, перегрузке, эмоциональному истощению и доступным способам совладания без обращения к спиртному. Для групп регулярного и частого потребления необходима работа, направленная на преодоление нормализации опьянения, терпимости к злоупотреблению и представления об алкоголе как привычном способе отдыха. Такая профилактика должна учитывать различия между поколениями, мужчинами и женщинами, молодёжью и средними возрастными группами, а также ситуации, в которых алкоголь сохраняет привлекательность как средство общения, расслабления и временного снятия напряжения.

Библиографический список

1. Немцов А. В. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2, № 4. С. 111–135. DOI [10.17323/demreview.v2i4.1770](https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1770). EDN [VSBERD](#).
2. Немцов А. В., Терехин А. Т. Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России // Наркология. 2007. Т. 6, № 12. С. 29–36. EDN [PXMQZD](#).
3. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M. Alcohol and Russian mortality: a continuing crisis // Addiction. 2009. Vol. 104, No. 10. P. 1630–1636. DOI [10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x). EDN [MYCEZH](#).
4. Pridemore W. A. Vodka and Violence: Alcohol Consumption and Homicide Rates in Russia // American Journal of Public Health. 2002. Vol. 92, No. 12. P. 1921–1930. DOI [10.2105/AJPH.92.12.1921](https://doi.org/10.2105/AJPH.92.12.1921). EDN [MEHWGN](#).
5. Медико-социальные и экономические последствия злоупотребления алкоголем в России / Е. А. Кошкина, Н. И. Павловская, Р. И. Ягудина [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения. 2010. № 2(14). С. 3. EDN [MQPXGR](#).
6. Радаев В. В., Рощина Я. М. Измерение потребления алкоголя как методологическая проблема // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 7–57. EDN [DSPNRJ](#).
7. Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age-period-cohort modelling of alcohol use prevalence 1994–2016 // Addiction. 2019. Vol. 114, No. 5. P. 823–835. DOI [10.1111/add.14535](https://doi.org/10.1111/add.14535). EDN [RUHZCS](#).

8. *Кондратенко В. А.* Структура и типы потребления алкоголя российской молодёжью и их родителями в 2006–2019 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). 2022. Вып. 12. С. 150–177. DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5). EDN [ZGRTCK](https://www.edn.ru/ZGRTCK).
9. Структура употребления алкоголя в России по данным исследования ЭССЕ-РФ: есть ли «ковидный след»? / С. А. Максимов, С. А. Шальнова, Ю. А. Баланова [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 8S. С. 30–43. DOI [10.15829/1728-8800-2023-3786](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3786). EDN [XJKKMN](https://www.edn.ru/XJKKMN).
10. *Радаев В. В., Котельникова З. В.* Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 5. С. 92–117. DOI [10.18288/1994-5124-2016-5-05](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-5-05). EDN [XAIEJF](https://www.edn.ru/XAIEJF).
11. *Котельникова З. В.* Взаимосвязь практик потребления алкоголя с социальной структурой современной России // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 105–112. EDN [TRRQOB](https://www.edn.ru/TRRQOB).
12. *Позднякова М. Е., Брюно В. В.* Трансформация девиантного поведения в условиях социальной тревожности современного российского общества // Россия реформирующаяся. 2025. Вып. 23. С. 62–94. DOI [10.19181/ezheg.2025.3](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.3). EDN [HIDZUO](https://www.edn.ru/HIDZUO).
13. *Позднякова М. Е., Брюно В. В.* Особенности употребления алкоголя женщинами-горожанками с различным социально-профессиональным статусом // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 148–166. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8439](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8439). EDN [UZLXSB](https://www.edn.ru/UZLXSB).
14. *Meier P. S., Warde A., Holmes J.* All drinking is not equal: how a social practice theory lens could enhance public health research on alcohol and other health behaviours // *Addiction*. 2018. Vol. 113, No. 2. P. 206–213. DOI [10.1111/add.13895](https://doi.org/10.1111/add.13895).
15. *Room R.* Normative Perspectives on Alcohol Use and Problems // *Journal of Drug Issues*. 1975. Vol. 5, No. 4. P. 358–368. DOI [10.1177/002204267500500407](https://doi.org/10.1177/002204267500500407).
16. Defining “drinking culture”: A critical review of its meaning and connotation in social research on alcohol problems / *M. Savic, R. Room, J. Mugavin [et al.]* // *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 2016. Vol. 23, No. 4. P. 270–282. DOI [10.3109/09687637.2016.1153602](https://doi.org/10.3109/09687637.2016.1153602).
17. *Рощина Я. М., Кондратенко В. А.* «Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты»: как изменялась взаимосвязь между социальным классом и типом потребления алкоголя в России // *Мир России*. 2024. Т. 33, № 1. С. 56–83. DOI [10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83). EDN [FNIRUP](https://www.edn.ru/FNIRUP).
18. Birth cohort trends in the global epidemiology of alcohol use and alcohol-related harms in men and women: Systematic review and metaregression / *T. Slade, C. Chapman, W. Swift [et al.]* // *BMJ Open*. 2016. Vol. 6, No. 10. Art. e011827. DOI [10.1136/bmjopen-2016-011827](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-011827). EDN [YAUENT](https://www.edn.ru/YAUENT).
19. *Киржанова В. В., Бабушкина Е. И.* Особенности женского алкоголизма // *Медицина*. 2024. Т. 12, № 4. С. 119–132. DOI [10.29234/2308-9113-2024-12-4-119-132](https://doi.org/10.29234/2308-9113-2024-12-4-119-132). EDN [CWJNAL](https://www.edn.ru/CWJNAL).

Поступила: 09.04.2026. Доработана: 23.05.2026. Принята: 29.05.2026.

Сведения об авторе:

Ангарская Ирина Викторовна, научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. iraangarskaya@mail.ru
Author ID РИНЦ: [940686](https://elibrary.ru/author_index.action?id=940686); ORCID: [0000-0002-4449-4933](https://orcid.org/0000-0002-4449-4933)

ALCOHOL CONSUMPTION IN DIFFERENT SOCIAL GROUPS OF RUSSIAN SOCIETY: TRENDS AND RISKS

Abstract. The article examines changes in alcohol consumption practices across various social groups in Russian society against the background of a general decline in the prevalence of alcohol use. The empirical basis of the study comprises sociological survey data on the urban working-age population aged 18–60, collected by the Deviant Behavior Sociology Sector of the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, in 2009–2010, 2017, 2020, and 2024, as well as survey data on university students collected in 2013, 2016, and 2024. The article shows that the decline in the share of alcohol users is accompanied by heterogeneous dynamics of drinking practices: the spread of abstinence-oriented attitudes coexists with the persistence of regular and frequent alcohol use in particular groups. Special attention is paid to gender and age differences. The study finds that women's drinking practices are internally differentiated: abstinence from alcohol is more pronounced among young women, whereas among some middle-aged women more frequent drinking is associated with stress, everyday burden, and adaptive-compensatory motives. Based on student survey data, the article reveals an increase in the proportion of non-drinkers alongside the persistence of risky drinking episodes among some students who consume alcohol. The article concludes that the contemporary alcohol situation is characterized by an uneven decline in involvement in alcohol use: the expansion of abstinence-oriented practices coexists with the persistence of frequent drinking, stress-related motives, and risky drinking episodes in particular social groups.

Keywords: alcohol consumption; drinking practices; risky alcohol use; gender differences; women's drinking practices; university students; social adaptation; deviant behavior

For citation: Angarskaya I. V. Alcohol consumption in different social groups of Russian society: trends and risks. *Science. Culture. Society*. 2026;32(2):86–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.6>

References

1. Nemtsov A. V. Mortality in Russia in light of the in alcohol consumption. *Demographic Review*. 2015;2(4):111–135. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v2i4.1770](https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1770).
2. Nemtsov A. V., Terekhin A. T. Dimension and diagnostic structure of alcohol mortality in Russia. *Narcology*. 2007;6(12):29–36. (In Russ.).
3. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee M. Alcohol and Russian mortality: a continuing crisis. *Addiction*. 2009;104(10):1630–1636. DOI [10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x](https://doi.org/10.1111/j.1360-0443.2009.02655.x).
4. Pridemore W. A. Vodka and violence: alcohol consumption and homicide rates in Russia. *American Journal of Public Health*. 2002;92(12):1921–1930. DOI [10.2105/AJPH.92.12.1921](https://doi.org/10.2105/AJPH.92.12.1921).
5. Koshkina E. A., Pavlovskaya N. I., Yagudina R. I. [et al.] Health and social and also economic consequences of alcohol abuse in the Russian Federation. *Social Aspects of Population Health*. 2010;(2):3. (In Russ.).
6. Radaev V. V., Roshchina Ya. M. Measuring alcohol consumption as a methodological problem. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 2019;(48):7–57. (In Russ.).
7. Radaev V., Roshchina Y. Young cohorts of Russians drink less: age-period-cohort modelling of alcohol use prevalence 1994–2016. *Addiction*. 2019;114(5):823–835. DOI [10.1111/add.14535](https://doi.org/10.1111/add.14535).
8. Kondratenko V. A. Alcohol Consumption by Russian Youth and Their Parents in 2006–2019. *Russian Longitudinal Monitoring Survey Bulletin (RLMS-HSE)*. 2022;(12):150–177. (In Russ.). DOI [10.19181/rlms-hse.2022.5](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2022.5).
9. Maksimov S. A., Shalnova S. A., Balanova Yu. A. [et al.] Alcohol consumption patterns in Russia according to the ESSE-RF study: is there a COVID-19 trace? *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2023;22(8S):30–43. (In Russ.). DOI [10.15829/1728-8800-2023-3786](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3786).

10. Radaev V. V., Kotelnikova Z. V. Changes in alcohol consumption and governmental alcohol policy in Russia. *Economic Policy*. 2016;11(5):92–117. (In Russ.). DOI [10.18288/1994-5124-2016-5-05](https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-5-05).
11. Kotelnikova Z. V. Relationship of alcohol consumption with social structure of contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2015;(4):105–112. (In Russ.).
12. Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. The transformation of deviant behavior in the context of social anxiety in contemporary Russian society. *Russia in Transition*. 2025;(23):62–94. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2025.3](https://doi.org/10.19181/ezheg.2025.3).
13. Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Peculiarities of alcohol consumption by urban women with different socio-professional status. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(3):148–166. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8439](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8439).
14. Meier P. S., Warde A., Holmes J. All drinking is not equal: how a social practice theory lens could enhance public health research on alcohol and other health behaviours. *Addiction*. 2018;113(2):206–213. DOI [10.1111/add.13895](https://doi.org/10.1111/add.13895).
15. Room R. Normative perspectives on alcohol use and problems. *Journal of Drug Issues*. 1975;5(4):358–368. DOI [10.1177/002204267500500407](https://doi.org/10.1177/002204267500500407).
16. Savic M., Room R., Mugavin J. [et al.] Defining “drinking culture”: a critical review of its meaning and connotation in social research on alcohol problems. *Drugs: Education, Prevention and Policy*. 2016;23(4):270–282. DOI [10.3109/09687637.2016.1153602](https://doi.org/10.3109/09687637.2016.1153602).
17. Roshchina Ya. M., Kondratenko V. A. “Tell me what you drink, and I will tell you who you are”: how the interrelation between social class and type of alcohol consumed in Russia has changed. *Universe of Russia*. 2024;33(1):56–83. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-56-83).
18. Slade T., Chapman C., Swift W. [et al.] Birth cohort trends in the global epidemiology of alcohol use and alcohol-related harms in men and women: systematic review and metaregression. *BMJ Open*. 2016;6(10):e011827. DOI [10.1136/bmjopen-2016-011827](https://doi.org/10.1136/bmjopen-2016-011827).
19. Kirzhanova V. V., Babushkina E. I. Features of female alcoholism. *Medicine*. 2024;12(4):119–132. (In Russ.). DOI [10.29234/2308-9113-2024-12-4-119-132](https://doi.org/10.29234/2308-9113-2024-12-4-119-132).

Received: 09.04.2026. Corrected: 23.05.2026. Accepted: 29.05.2026.

Author information:

Irina V. Angarskaya, Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia. iraangarskaya@mail.ru
ORCID: [0000-0002-4449-4933](https://orcid.org/0000-0002-4449-4933)